

ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ СИБИРИ: ГЕНЕЗИС ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ, ЕЕ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

© 2005 Ю.Л. Мандрика

Тюменский государственный университет

Многие десятилетия гуманитарные изыскания направлялись в русло изучения проблем политической и культурной жизни Петербурга, а также Москвы. Там действительно был всегда сконцентрирован общественный, культурный и интеллектуальный потенциал России. Но чаще всего в исследованиях советских ученых история дореволюционной прессы двух столиц громадного государства рассматривалась через призму отношения к ней цензуры, через события, которые именовались революционно-освободительным движением. Такая направленность исследований была предопределена идеологией Страны Советов. Политический дискурс того государства формировал социальный заказ науке, предоставляя при этом ей широчайшие возможности для существования “черного” пиара вокруг печати, зависящей от капитала. Советская же пресса позиционировала себя как институт свободы слова, обеспеченной государством, его интересами. При этом почему-то идеологами того политического устройства игнорировался тезис о “денежном мешке”, универсальность которого не подвергалась сомнению ни в каком обществе.

Новая культурная ситуация в России спровоцировала в науке попытку отказаться от ленинской периодизации освободительного дви-

жения и связанной с ним историей рабочей печати¹. Последние исследования в этом направлении² свидетельствуют о новых подходах в изучении российской прессы, генезис которой происходил под влиянием власти и общества. Однако большинство авторов таких работ рассматривают тенденции, возникающие в прессе всего государства, опять-таки на материале столичных изданий.

Сегодня в общественном сознании популярен тезис о том, что Россия — это, в большей степени, регионы. Именно особый уклад, общественно-политическая и культурная атмосфера российской провинции определяют во многом общий духовный и нравственный потенциал всей страны. Поэтому анализ процессов, происходивших ранее в регионах, позволяет извлечь полезные и необходимые уроки для понимания и прогнозирования общественной жизни. Обращение к периодике XIX века, по мнению Б. И. Есина, “нацелено не только на получение определенных культурно-исторических знаний, но и на реализацию их в практической деятельности” [8, 3].

Стало расхожим мнение, что сибирская печать начиналась в Тобольске в 1789 г. Однако уже в начале XX в. П. М. Головачев в оценке первых тобольских журналов был более категоричен, нежели его предшественник, идеолог прессы

¹ “Периодизация журналистики должна строиться в соответствии с традициями русской исторической науки, заложенными Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым, которые рассматривали исторические события в тесной связи с правлением конкретного монарха”. — См.: Грабельников А. А. О периодизации истории русской журналистики / А. А. Грабельников // Журналистика в 2003 году: обретения и потери, стратегии развития. Материалы науч.-практ. конф., Москва, 3–6 февр. 2004 г. — М., 2004. — Ч. III. — С. 74–75.

² Назовем несколько наиболее значительных работ, изданных в последнее время. См.: “Ничего противного закону, правительству и добронравию...”: Взаимодействие органов государственного управления с печатью дореволюционной России: Сб. статей. — М., 1999. — 154 с.; Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв.: Учебное пособие / Г. В. Жирков. — М., 2001. — 368 с.; Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ / М. М. Шевченко. — М., 2003. — 264 с.; Коновченко С. В. Власть, общество и печать в России / С. В. Коновченко. — Ростов н/Д., 2003. — 400 с.; Коновченко С. В. Информационная политика в России / С. В. Коновченко, А. Г. Киселев. — М., 2004. — 528 с. и др.

Сибири Н. М. Ядринцев³. П. М. Головачев писал, что первые сибирские журналы “совершенно не отражали собою серьезные стороны окружающей действительности, для понимания которой тогда еще не было никаких средств и никакого опыта и знания” [4, 2]⁴. По мнению автора статьи, “Иртыш, превращающийся в Иппокрену”, “Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая, увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателя” и “Журнал исторический, выбранный из разных мест” — «факт случайный, изолированный, не стоящий ни в какой связи с окружающей действительностью того времени, не влиявший на окружающую жизнь, не оставивший никакого литературного наследия для ближайшего поколения. Поэтому их (журналы. — Ю. М.) едва ли можно называть “праотцами” сибирской периодической печати» [4, 3]. При этом историк Сибири был убежден, что первые журналы имеют лишь библиографическую ценность и интересны тем, что иллюстрируют провинциальную жизнь, характер ее образования, литературные вкусы, отсутствие интереса к происходящему вокруг у тех, кто считался “цветом образованного общества” [4, 3].

Исследователи истории печати подчеркивают, что изданию печатной газеты предшествовал опыт “существования российской рукописной газеты” [6, 92]. Сибирь в этом отношении не была исключением. Известно более 70 дореволюционных рукописных газет и журналов Сибири и Урала. Среди самых ранних значатся “Кяхтинский литературный цветник” (1829–1836), “Кяхтинская стрекоза” (1829–1833), иркутские “Домашний собеседник” (1830–1834), “Вечер

досуга” (1838), верхнеудинский “Метляк”⁵ (1839–1840). Как правило, обо всех этих изданиях сохранились лишь воспоминания. Исключение составляет журнал гимназистов “Вечер досуга”, один номер которого доступен и сегодняшнему читателю⁶.

Ответственный секретарь “Восточного обозрения” В. С. Ефремов предположил, что гимназист И. Кирилов, написавший в сочинении “Поездка в Кяхту в 1834 г.” о журнале “Кяхтинский литературный цветник” [19, 278–301], вел речь, “судя по сумме подписки и контексту сообщения” [9], скорее всего о существующем печатном издании.

Изменения, внесенные в раздел об управлении Сибирью “Учреждений губернских правлений”, способствовали появлению в 1857 г. в Тобольске первого периодического сибирского издания⁷. И хотя, по мнению крупнейшего представителя областничества Г. Н. Потанина, “настоящая сибирская печать начинается только с Ядринцева” [18, 279], журналистика Сибири начиналась с ведомостей Тобольска, в которых дебютировал и сам Григорий Потанин.

Периодика Сибири, выбранная в качестве объекта настоящего исследования, в период ее зарождения была немногочисленна и это позволяет детально рассмотреть начальный этап ее становления, рамки которого ограничены автором данной публикации со времени издания первого номера “Тобольских губернских ведомостей” до появления в “Томских губернских ведомостях” статьи Н. М. Ядринцева “Сибирь в 1-е января 1865 года”, в которой прозвучал призыв к сибирскому обществу, занимающему территорию от Урала до Тихого океана, к объединению, “в

³ Н. М. Ядринцев заметил, что “Иртыш, превращающийся в Иппокрену”, помещая из номера в номер литературные произведения, имеющие “общий недостаток — чрезмерную отвлеченность”, ограничивался лишь “скудными произведениями”. — См.: *Ядринцев Н. М. Начало печати в Сибири* / Н. М. Ядринцев // Литературный сборник. — СПб., 1885. — С. 352–367.

⁴ При ссылке на периодику, если отсутствует в квадратных скобках год издания, вторая цифра обозначает № газеты (журнала), третья — страницу.

⁵ См. работы: *Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры в Сибири* / М. К. Азадовский. — Иркутск, 1947. — Вып. 1. — С. 106–137; *Ефремов В. С. Рукописная литература: К биографии М. В. Загоскина* / В. С. Ефремов // Восточное обозрение. — 1904. — № 247; *Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература* / Г. Ф. Кунгуров. — Иркутск, 1965. — С. 3–118; *Петряев Е. Д. Впереди — огни: Очерк культурного прошлого Забайкалья* / Е. Д. Петряев. — Иркутск, 1968. — С. 247, и др. — Все перечисленные названия рукописей взяты из указанной книги Е. Д. Петряева.

⁶ Достаточно подробно этот период сибирской журналистики описан Л. С. Любимовым. Исследователь сообщил о попытке приезжего в Иркутск литератора М. Александра открыть в 1827 г. литературный орган “Ангарский вестник”, в программе которого “довольно ясно звучал намек на то, что Сибири необходимо” встать на путь буржуазной революции. — См.: *Любимов Л. С. История сибирской печати: Учебное пособие* / Л. С. Любимов. — Иркутск, 1982. — С. 28–31.

⁷ Губернские ведомости рассматриваются как группа газетно-журнальной периодики, первый отдел, а также неофициальная и официальная части второго имеют различные цели, задачи, а также аудиторию. По этой причине они не позиционируются автором этой статьи как “газета” или “журнал” [14, 17].

котором заживет страна наша лучшей жизнью” [23, 1865, 1].

К началу второй половины XIX в. в России все отчетливей просматривались тенденции капитализма. Развитие промышленности требовало увеличения квалифицированной рабочей силы, которое было невозможно без улучшения системы образования в стране. Александром II и его окружением были намечены радикальные преобразования, которые могли бы устранить наследие жестко-автократического правления Николая I. Реформировать какую-то часть системы управления без кардинальных изменений в других сферах общественной деятельности было невозможно. Шла подготовка крестьянской реформы. В стране происходила быстрая модернизация сильно централизованного государства, которую некоторые историки называют “революцией сверху”. Игнорирование властью общественного мнения по социально-политическим и экономическим вопросам предполагало их широкое обсуждение, в т. ч. в прессе.

Издание губернских ведомостей⁸ в Сибири началось в атмосфере реформирования традиций жесткого администрирования. Автор “Иркутских губернских ведомостей”, рассуждая о первых трех вышедших номерах ведомостей в Тобольске, остановил свое внимание на содержании, которое было достаточно жестко регламентировано законодательно “Учреждениями губернских правлений”: “...централизацию в государстве нельзя еще оценивать по одним ее некоторым неудобствам. Но если бы губернские ведомости могли стать полным, живым выражением местных интересов, местных потребностей, местных воззрений — то оне послужили бы известного рода благодетельным противовесом некоторых из неудобств слишком сильной централизации” [12, 1957, 5, 3].

Сибирь во многом отличалась от районов Европейской России. Регион, начиная с XVII в., населяли русские старожилы и аборигены. Уже в то время Сибирь была местом ссылки. Правитель-

ство вначале заботилось главным образом о колонизации края, рассматривая ссыльных как “даровую рабочую силу” [2, 11], предписывая воеводам уже в начале XVIII в. контролировать, чтобы “поселенные в Сибири преступники занимались земледелием” [2, 14]. Позднее, когда были изданы правила о распределении ссыльных по степени их преступления [17], Сибирь стала местом для “тяжких русских преступников” [2, 3]⁹. За двадцать лет — с 1827 по 1846 г. — через Тобольский приказ о ссыльных прошло около 160 тыс. лиц обоего пола. При этом за государственные преступления (политическая ссылка), возмущение и неповиновение, неповиновение помещику — всего лишь 2,4 процента. Основную массу ссыльных, около 43 процентов, составляли “бродяги разного рода, беглые крестьяне, военные дезертиры, бежавшие из Сибири каторжные и поселенцы”, почти 9,1 процента лиц обоего пола попали в ссылку за убийство и 29,78 процента составили преступники против собственности [2, 28–29]. При этом более 43 процентов ссыльных были владельческие крестьяне [2, 73], для которых были характерны “дурное поведение, зажигательство, членовредительство и возмущение” [2, 76]. Почти две трети проходивших через Тобольский приказ о ссыльных оставались в Тобольской губернии, остальные направлялись в другие населенные пункты Сибири. Для многих ссыльных эта земля становилась “малой родиной”.

Поэтому понятна позиция томского гражданского губернатора, который, отказывая г-ну Калинину в разрешении открыть частную типографию, писал в письме от 21 октября 1869 г. на имя генерал-губернатора Западной Сибири: “...соображаясь с средствами полицейского надзора в г. Томске, я признавал и признаю теперь решительно невозможным дать это разрешение, так как полицейский надзор здесь весьма скудный по населению города, населению, состоящему большей частью из элементов, требующих особой бдительности полиции, что известно и Вам, а между тем она по недостаточному составу

⁸ Первый номер сибирского продолжения сенатской периодики появился в 1857 г. практически одновременно во всех губерниях: Тобольской — 27 апреля, Иркутской — 16 мая, Енисейской — 2 июля, Томской — 15 августа. Лишь несколько лет спустя начали издаваться областные ведомости. Забайкальские — в 1865, Акмолинские и Семипалатинские — в 1871 г. и т. д.

⁹ В числе актов прусского министерства юстиции есть документ, датированный 1802 г., в котором говорится, что “неисправимых воров, разбойников, поджигателей и тому подобных опасных преступников ссылать в отдаленную часть света (entfernten Weltheil), дабы там подвергать тягчайшим работам, без всякой надежды когда-либо освободиться”. По соглашению с Императорским русским двором “подобные злодеи употреблялись на работы в рудниках в отдаленнейшей Сибири”. — См. подробнее: *Голодников К. М.* Ссыльные в Тобольской губернии и влияние их на нравственный и экономический быт старожилов / К. М. Голодников // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX–начала XX вв. — Тюмень, 2004. — С. 237 и др.

своему с большим трудом исполняет свою обязанность, сопровождаемую нередко чрез это медленностию в производстве дел ее, требующих по существу скорого исполнения”¹⁰.

Ситуация была отягощена еще и низким образовательным уровнем среди населения Сибири. Вывод исследователя, что «в течение долгого времени политические ссыльные представляли собою в Сибири всю ее интеллигенцию, весь ее образованный “класс”» [25, 57], предполагает катастрофичность ситуации¹¹. В том же Томске первая гимназия была открыта лишь в 1838 г., почти на десять лет позднее, нежели в Тобольске. До этого в губернии было лишь два крохотных уездных училища — в Нарыме и Томске, в которых ежегодно с 1789 по 1838 г. обучалось в среднем не более 55 чел.

Ф. Мещерин на торжественном акте в Томской губернской гимназии 10 декабря 1858 г. произнес по случаю двадцатилетия учебного заведения речь, в которой отметил: “Учителя приезжали из Тобольска или же из России с поверхностным образованием и с непохвальными чувствами и привычками. Зато и сочувствие публики к учебным заведениям соответствовало достоинствам преподавателей” [23, 1859, 7, 59].

К 1897 г. “Сибирь по относительному числу грамотных занимала место между Кавказом и Средней Азией” [20, 15]. Процент грамотных ко всему населению не достигал цифры 12. В Европейской России эта цифра равнялась 22,5, а в царстве Польском — 30,5 процента. Еще в середине века один из авторов губернских ведомостей писал: “Купечество в России и купечество в Сибири, казалось бы, одно и то же сословие: тот же образ жизни, те же понятия, то же почти образование. Чем вы отличаете их друг от друга? А разница между ними есть, да и немалая. В России впереди купечества стоит другое сословие, не менее богатое и вдобавок далеко просвещеннее его, — дворянство. У нас в Сибири дворянства вовсе почти нет и во главу угла всех наших сословий, разуме-

ется, по весу и значению в обществе, мы должны поставить купечество” [22, 1858, 5, 73].

В отчете по поводу состояния Иркутской библиотеки, открытой 15 февраля 1858 г., значилось, что ее фонд насчитывает 2 604 корешка. 194 читателя за год взяло для чтения 12 683 экземпляра книг и брошюр [12, 1859, 21, 7–8]. Библиотека, стараясь удовлетворить общественные потребности, на 1859 г. выписала до 35 наименований разных журналов [12, 1859, 29, 13]. Десять лет назад существовавшая в то время библиотека имела лишь три подписчика [12, 1859, 32, 6]. Автор отклика иронизирует, что в городе “поумнели чуть ли не на 40 %”. При этом сопоставляет количество постоянных читателей с численностью населения города — 24 тыс. чел.¹² Среди подписчиков крестьян — 2, духовенство — 3, купечество — 8, дам — 13, 18 — “высших” чиновников, учеников и учителей — 35, мещан — 45, чиновников средней и мелкой руки — 70.

Продолживший разговор учитель А. С—ий, заметил, что среди выписываемых на будущий год в публичную библиотеку журналов нет ни одного детского издания, словно “общество не имеет в себе маленьких читателей или забывает о них” [12, 1859, 32, 6].

Вот в такой ситуации появлялись первенцы провинциальной печати в Сибири, являясь показателем не внутренних потребностей общества, а скорее усилий власти [10, 3]. И это последнее обстоятельство в условиях поголовной безграмотности уже у современников вызывало чувство восхищения. В. В. Соловский, ознакомившись в Тамбовском архиве с деятельностью губернского правления, понял: “Правительство наше как во всех других начинаниях, так и в насаждении по губернским городам книгопечатания, и в создании провинциальных органов шло впереди общества и будило в нем потребности и стремления просвещенного европейца” [21, предисловие].

Региональная идентичность¹³ социокультурных условий Сибири отчетливо проявляется

¹⁰ ГУ ГАОмскО. — Ф. 3. — Оп. 6. — Ед. хр. 8729. — Лл. 5–5об.

¹¹ Согласно имеющимся статистическим данным [5, 28] в 1835 г. в Тобольске проживало 15 456 чел. Учитывая опубликованные Е. Анучиным сведения об уголовной ссылке, за двадцать лет в Тобольскую губернию было сослано около 300 государственных преступников. А ведь на обширной территории был целый ряд уездных городов: Ишим, Омск, Тара, Туринск, Тюмень, Ялуторовск... Вопрос встает не об уровне, а просто о грамотности.

¹² Поделив всех читателей на группы, автор делает вывод: “...четыре части одного стройного целого вроде пирамиды, имеющей в своей вершине крестьянина, а в основании чиновника, в размещении и сочетании которых усматривается некоторая оригинальная симметрия... Невнятен мещане, как они вздумали гнаться в деле образования за специалистами в этом ремесле... и оставили за собой все три гильдии” [12, 1859, 32, 6].

¹³ Под идентичностью понимается периферийный характер территориальной общности населения (имидж региона), которым несомненно обладает Сибирь. См. подробнее: — Крылов М. П. Российская региональная идентичность: вопросы типологии / М. П. Крылов // Проблемы сибирской ментальности / Под ред. А. О. Боронова. — СПб., 2004. — С. 70–78.

в содержательной части губернских ведомостей уже на стадии их становления. Н. М. Ядринцев считал, что трудности провинциального издания — недостаток сил, талантов, а также другие внешние условия, мешающие развитию литературного дела: «Провинциальная газета должна понять, что со столичной она конкурировать не может, у ней нет того материала и задачи другие. У первой — громаднейший объем мировых и государственных новостей, избыток литературных сил, ее свойство — высший интеллигентный закал и недостижимая высота над народом. Соответственно своему материалу у столичной газеты свои рубрики, у провинциальной должны быть свои. ...Я давно называл, еще в “Томских ведомостях”, нашу литературу “фонарной”, т. е. местный вопрос разумелся в фонарях, лужах на улице, тротуарах, мостах и т. п. Отчего это? Да потому, что наша местная жизнь, общественная провинциальная деятельность, право провинции и не достигало дальше права строить фонари, мосты и бить собак» [16, 219–228].

Публицист считал, что самая главная вещь — выяснить цель издания; что хочет провинциальная печать; о чем прежде всего она должна себя спросить: «Провинция — вечный лакей, копирующий своего барина, лакей и в литературе, смешной в своей важности, жалкий, потому что никогда не достигнет образца — столицы. Чем он более отдален от “провинциального”, тем провинциальное более воняет от него».

Тем не менее, по меткому определению А. Л. Факторовича, специфика провинциальной печати «рельефнее определяется при системно-оценочных корреляциях со столичными, “метропольными”» [24, 6] изданиями. Журналистика Европейской России середины XIX в. не была застывшим конгломератом. Она находилась в поиске “системных связей: информационно-содержательных, аудиторных, профессиональных, идеологических и т. д.” [13, 35].

Первые издания Сибири не отставали от метрополии в своем поиске. Несмотря на существование жесткого законодательного каркаса, регламентирующего тематику публикаций, губернские ведомости с первых номеров пытались определить цель своего издания. К этому стимулировала попытка самоопределения тех, у кого отсутствовали профессиональные навыки. Неготовность к существованию повременных изданий была настолько велика, что на совете Главного управления Западной Сибири во время обсуждения вопроса об издании “Тобольских губернских ведомостей” никто не поставил вопрос о будущих авторах неофициальной части [15, 6].

Робкая рефлексия (“Но одностороннее изучение данной местности было бы направлением

слишком односторонним”, “...не только изучение данной местности, но и рассматривание и обслуживание (по мере возможности) всякого рода местных вопросов, изучение местных потребностей и интересов — есть неотъемлемая принадлежность неофициальной части губернских ведомостей. В государствах, сильно централизованных, местные интересы, может быть, слишком отодвинуты на задний план: законодатель почти пребывает в высокой, отчасти отвлеченной сфере интересов общих” [12, 1857, 5, 2]) сменялась категоричным самомнением (“...газета усвоила себе определенное направление” [22, 1857, 34, 358]).

Но не только поиск цели определял стратегию развития издания. Губернские ведомости искали пути к читателю, который в недалеком будущем мог стать корреспондентом. При этом редакции двигались в нескольких направлениях:

- обучение потенциальных корреспондентов выбору темы;

- формирование понимания “местной новости”;

- провоцирование с помощью полемических заметок постоянного диалога между читателем и неофициальной частью путем переписки, часть которой должна была обязательно появиться в столбцах издания;

- публикация производственных материалов, актуальных для читателя в данное время и в данном месте;

- разъяснение правительственной политики;
- повествование об историческом прошлом “малой родины”, ее географическом устройстве, а также статистической маркировке.

Ориентирование читателей в необходимой для ведомостей тематике было делом периодическим и в разных изданиях проводилось по-разному.

За Ангарский Сибиряк¹⁴ в “Статьке для немногих” предвидел, что некоторые читатели “будут требовать Бог знает чего, будут смотреть свы-

¹⁴ Отсутствие авторов у неофициальной части “Томских губернских ведомостей” сделало невозможным ее регулярный выход до 1 января 1858 г. Ученик Иркутской губернской гимназии во время директорства П. А. Словоцова, позже — советник Казенной палаты, надворный советник Николай Ильич Виноградский все время мечтал об издании газеты. После появления ведомостей ни один номер не обходился без его публикаций (За Ангарский Сибиряк и Н. В. — псевдонимы). — Подробнее см. некролог [23, 1859, 6]. — После его смерти, 45 лет от роду, неофициальная часть “Томских губернских ведомостей” потускнела и превратилась на несколько лет в полицейский листок.

сока на помещаемые статьи, судить, рядить и вкривь и вкось”. Предписываемая “Учреждением губернских правлений” тематика представляет “ограниченную раму, через которую не может перескакивать всякий вид беллетристики, дозволяемой литературным и политическим газетам”. Исторических предметов, которые бы сохранились в архивах, как и самих архивов, автор статейки не видел в губернии: “...самые старые дела не восходят далее года. Осталось ровно почти ничего по части исторической, по части любопытной старины, или в других отношениях, что могло бы составить интерес губернских ведомостей. Поневоле обратись к живым памятникам — томским старожилам...”. Н. И. Виноградский критикует одностороннее восприятие “ограниченной рамы”. Ведь через нее спокойно протискивается географическое положение губернии, этнография, полезные сведения по части сельского хозяйства, цены на разные потребности в разных округах. “Но где же производители всех вышеозначенных статей и статей? — спрашивает постоянный автор ведомостей. — Но вот где не только точка с запятой, но и совершенная точка. Что за причина существующей апатии?.. Слышишь иногда с грустью, отзыв некоторых, что в ведомостях следовало бы поместить и то, и это, что есть уже подготовленные вчерне тетрадки, да лучше послать в столичные ведомости...” [23, 1859, 13, 101-03].

Но не только тематика, по мнению редакций неофициальной части, может привлечь внимание читателя. И если иркутяне не только декларировали, что их редактор согласен видеть в столбцах ведомостей настоящую полемику, предоставив авторам свободу в выражении мнений, пусть даже противоположных (“Полемика, спор, борьба противоположных воззрений [разумеется, в известных литературных пределах] — все это необходимо придаст жизнь газете и возбудит интерес читателей” [12, 1857, 2, 4], то томичи в сослагательном наклонении изъявляли желание, “если б умный и просвещенный взгляд коснулся нашей администрации, нашего мирного и благотельного управления и разных преобразований, ко благу Западной Сибири совершенных и совершаемых постепенно прозорливым и попечительным ее начальником, который водворил порядок и на окраинах Киргизских степей юга, и в снегах и тундрах березовско-обдорских неприступного Севера. Да, эта статья еще не начиналась. Мы слишком скромны. Газеты других стран давно бы звучали. А мы смиренно идем к светлой цели, указуемой нашим мудрым правительством...” [23, 1859, 13, 103].

Последняя фраза была сказана в духе времени. В канун крестьянской реформы, в 1858 г. в

Совете Министров был поставлен вопрос о государственной политике в газетно-журнальном деле. Министр народного просвещения Е. П. Ковалевский написал специальную записку “О гласности в печати”, которая легла в основу циркуляра от 3 апреля 1859 г., согласно которому власть признавала свою заинтересованность в освещении повременными изданиями различных злоупотреблений, допускаемых представителями власти, а также беспорядков¹⁵. Циркуляр, брошенный в массы, тут же всплыл и в провинциальных изданиях, но уже в качестве лозунга текущего дня.

Уже в мае 1859 г. в переписке неофициальной части со своими сотрудниками мелькает псевдоним Перестройка [12, 1859, 21, 8]. В одном из писем в редакцию читатель — О — писал: “Гласность застала нас врасплох; умы к ней были не подготовлены, а дела еще менее. Она попала к нам как бомба; беспокойство произвела всеобщее; многие приникли к земле до огласки; большинство начинает подделываться под новые идеи, хотя в сущности ведет дела по-прежнему, как было при царе Горохе” [12, 1859, 31, 6]. Сообщая читателю, что лучшие люди общества обрадовались новому направлению в политике свыше, откуда “всякое даяние благо”, аноним предупреждает: “Что сегодня дано, завтра будет отнято”.

После вступления, занявшего три столбца “Иркутских губернских ведомостей”, — О — горестно вздыхает: “Я вполне чувствую неудобства, к которым нас может повести направление”. А после этого рассказывает историю спекулянта, ставшего богатым человеком и политическим деятелем, в руках которого отныне находились судьбы целой области. И эта часть публикации воспринимается читателями отчасти как сплетня.

Издание соседней губернии, Енисейской, не осталось в стороне от гласности. В № 47 “Иркутских губернских ведомостей” за 1858 г. была напечатана корреспонденция из Красноярска о причинах дороговизны хлеба в крае за подписью № 106. При этом обвинялись некоторые торговцы, якобы сознательно завышавшие цены. М. Бутаков, найдя необходимым, но и “для пользы гласности”, решил защитить честь тех, кто занимается хлебной торговлей: “Что за брань

¹⁵ См. подробнее: Коновченко С. В. Информационная политика в России / С. В. Коновченко, А. Г. Киселев. — М., 2004. — С. 346. — Авторы отмечают: при этом в циркуляре было сказано, что «печать должна проводить идеи «неприкосновенности самодержавия и его аппарата» и отказаться от обсуждения преимуществ других форм государственного устройства».

базарная!!! Ни умного, ни острого, ни справедливого нет в этой брани, неприятно, отвратительно читать! Неужели г. № 106 почитает в этой брани гласность?” [7, 1859, 7, 36].

Само понятие гласности для многих было не совсем вразумительным. Поэтому вслед за поставленным М. Бутаковым вопросом выступил некий Н. Налабардин с разъяснением “Несколько слов о ложном понимании и злоупотреблении гласности”. Автор подчеркнул, что проповедуемая с некоторых пор идея вызывает глубокое сочувствие у многих. Но она не нова, а взята из народной мудрости, из пословицы: “Глас народа – глас Божий”. Нынешняя гласность понимается многими как печатное распространение вот того народного голоса. При этом автор был убежден, что “поведать и распространить частное мнение может только мнение общественное, т. е. когда это мнение, как справедливое, усвоит себе большинство. Вот почему только общественное мнение, глас народа, может быть предметом публичной, печатной гласности” [7, 1859, 7, 38]. Содержание правительственного циркуляра о возникших у печати возможностях получало под воздействием местных властей несколько иную интерпретацию. При этом Н. Налабардин искренне удивлялся: если г. № 106 желает гласности, то почему же он скрывается под псевдонимом?

На столбцах “Енисейских губернских ведомостей” была затеяна дискуссия, продолжавшаяся практически до конца года. “Два слова о гласности” [7, 1859, 11, 89–91] решил сказать кн. В. Костров, в будущем, в 70-е годы, редактор “Томских губернских ведомостей”. Автор был уверен, что редакторы провинциальных ведомостей не понимают, что такое гласность. Более того, они не знают, какое впечатление производит на публику “гласность в том виде, в каком она является на страницах их изданий”. Мнение кн. В. Кострова мало чем отличалось от точки зрения Н. Налабардина. Гласность предлагалось понимать как раскрытие тех недугов, которыми страдает общество. И говорить надо было только о зле, а “не о человеке, одержимом им”. Стремление вывести из зоны критики представителя власти было столь огромно, что можно только удивляться логике пишущего.

Дискуссия завершилась статьей Льва Митропольского “Гласность”, опубликованной в трех номерах “Енисейских губернских ведомостей”.

Рассказывая читателю о столкновении на жизненном пути правды и религии в лице служителей Бога, автор пытается убедить читателя, в какую непростую ситуацию при этом попадал священнослужитель, который вынужден говорить о сложных вещах лишь в общих чертах. “Администрации выпал на долю тяжкий жребий:

следить за развитием того и другого начала в явлениях жизни” [7, 1859, 17, 118], добра и зла. И как бы “ни таилось под покровом скромности доброе дело... есть момент, с которого он перестает быть тайной”. Гласность должна была коснуться в первую очередь добрых дел. И никто, кроме администрации, не может воспользоваться гласностью, чтобы о фактах добра и зла ставить “немедленно посредством печатных органов в общую известность”. При этом декларировались одинаковые права и ответственность за свои действия любого “двигателя гласности”.

Лев Митропольский упаковал все свои рассуждения в модное слово. Автор был уверен, что “гласность должна выставлять характеристические черты лиц, а не случайности, чтобы не ввести в заблуждение общественного мнения и не способствовать составлению ложного о людях понятия” [7, 1859, 19, 125]. И здесь, как нельзя кстати, могла бы быть помещена уже цитированная фраза: “...мы смиренно идем к светлой цели, указуемой нашим мудрым правительством...” [23, 1859, 13, 103].

Цензор сделал в конце первой публикации примечание, с которым губернские ведомости и были напечатаны: “Жаль только, что наша гласность не обнаружила еще ни одного доброго дела. Неужели на нашей почве растет только полынь да крапива?” [7, 1859, 17, 120].

В завершение публикации Л. Митропольский высказал мнение, что требование неременной подписи автора под обличительной статьей несправедливо. “Благородный воин не обязан без нужды жертвовать собой” [7, 1859, 19, 127]. Но при этом существовала еще одна оговорка-предупреждение, что только люди, более-менее независимые в общественной жизни, ничем не рискуют, подписывая под статьями свою фамилию. Завершалось разъяснение о гласности кратко: “Для добрых людей она награда, для храбрых – узда, для обиженных – апелляция, для целого общества – правдивое зеркало” [7, 1859, 19, 129].

Закончилась дискуссия в канун Нового года в “Иркутских губернских ведомостях”, ожидавших появления первого номера первого частного издания в Сибири газеты “Амур”¹⁶.

¹⁶ О том, что под флагом гласности писали в “Иркутских губернских ведомостях”, существует немало исследований историков советского времени, хотя они все и написаны как об органе печати, в котором участвовали декабристы. Желание политических ссыльных полемизировать, т. е. публиковать то, что было запрещено “Учреждением губернских правлений”, не могло поощряться местной властью, сумевшей даже гласность сделать специфическим делом для узкого круга.

Автор письма из Красноярска писал, что с появлением гласности “наша литература двух последних годов¹⁷ превратилась в целую комиссию прошений, горьких жалоб и настоятельных требований правосудия, человечности...” [12, 1859, 51, 5]. Гласность испугала начальство, но только временно. Потом оно “скоро оправилось” и начало писать опровержения на статьи, даже не против них писанные... Аноним пытался объяснить читателю, почему же губернские ведомости не могут выполнять в провинции роль прессы: “Нельзя рассчитывать на успех издания, если вы останетесь чужды гласности”. Красноярец к тому же в письме сообщал о слухе об издании газеты “Амур”, которая будет платить авторам за статьи, помещаемые на своих страницах.

Редактор неофициальной части М. Загоскин, уходивший в частное издание “Амур”, сделал к письму красноярца редакционный комментарий, пообещав “дать ему (“Амуру”. — Ю. М.) гласность”. С появлением первой частной газеты неофициальная часть губернских ведомостей всей Сибири, по мнению П. М. Головачева, показала, “насколько неустойчив”¹⁸ этот тип периодической печати.

“Амуру” с первых номеров начало удаваться то, что не получалось в ведомостях. До времени выхода первого номера частной газеты — 1 января 1860 г. — в неофициальной части сибирского продолжения сенатских ведомостей так и не научились понимать, что такое новость как главная отличительная черта периодического издания.

“Иркутская новость уже не новость, а более, так сказать, для провинции, для иногородних, которые тоже получают нашу газету и желают, может быть, знать, что происходит у нас в главном городе Восточной Сибири. Разумеется, если они желают этого, так не иначе как для собственного назидания” [12, 1857, 1, 1]. Такое ироничное отношение к новости, которую в городе узнают раньше, нежели удастся отпечатать еженедельник, принижало жанр, делало публикацию скорее заметкой, которую столбцы актуализировали лишь датой выхода в свет номера.

Однако этот вопрос для иркутских газетчиков был всегда злободневный. Издание все время оп-

равдывалось перед читателем, что жизнь города бедная событиями. А так бы хотелось, чтобы случилось “происшествие, выходящее из ряда обыденной жизни”, которое заслуживает быть “занесенным в городскую хронику” [12, 1858, 45, 1]. Но на события, а значит, и на рубрику, не повезло не только Восточной Сибири. В начальный период ни томичи, ни красноярцы, ни тоболяки не могли сформулировать для себя, что такое новость.

“Нынешний год у нас ранняя зима. Она подкралась незаметно” [22, 1864, 49], — такого рода “вечно свежие тексты” помещались под рубрикой “Местные новости”. Эти заметки могли быть даже интересными, но в них напрочь отсутствовала событийность. “Тобольские губернские ведомости” новостным жанром считали публикации, “в которых помещаются более или менее статьи легкие. Не мешайте им болтать и высказываться, — советовало издание. — Кому-нибудь пригодится и их болтовня. Может, между этой болтовнею промелькнет что-нибудь и дельное в голову человека” [22, 1857, 31, 322].

Уже с восьмого номера “Амур” изменил подачу материала в сообщениях, которые помещались в “Местном обозрении”. Десять мелких заметок сообщали об открытии Амурского края для частной золотопромышленности, а также обо всем другом, что касалось этой отрасли. Были в номере и “Известия из России”, “Корреспонденция” другие рубрики-заголовки. Опыт М. Загоскина, редактора неофициальной части губернских ведомостей, отчасти оказал влияние на формирование внутренней структуры издания.

Тематическая направленность продолжения сенатского издания ориентировала первых сибирских газетчиков на местный материал. Поэтому практически с первых номеров публикуются статьи на злободневные темы: “Несколько слов о быте рабочих на золотых промыслах” П. Цветолобова, “О дороговизне дров и строевого леса в Иркутске”, написанной С-ть, “Хлебный рынок в маленьком городке” и др. Пьянство и недостатки в здравоохранении края, чудеса в золотопромышленной компании Горохова и наша полиция... Все это было предметом выступления в газете. Особенно досталось полицейским. “Кто не имел дел с этими существами, обреченными на то, чтобы быть всесветными пугалами и детей, и взрослых? Собака, адской зажателю — вот как честит полицию простой народ” [1, 1860, 21, 265]...

Как тут не вспомнить еще одну из первых газет Сибири “Восточное поморье”, издававшуюся в Николаевске-на-Амуре в 1865–1866 гг. Качественное даже по сегодняшним меркам издание не сумело выжить в суровом краю даже при финансовой поддержке властей и общества бо-

¹⁷ Это уточнение — “двух последних годов” — подчеркивает, что веяние гласности в России началось несколько раньше написания специальной записки министром народного просвещения Е. П. Ковалевским.

¹⁸ Головачев П. М. Судьбы “губернских ведомостей” в Сибири / П. М. Головачев // Сибирь. — 1897. — № 150. — Подпись: Г. — При этом историк Сибири подчеркивал, что только в отдельные периоды благодаря сильным губернаторам “они могут быть хороши”.

лее полутора лет. Его сотрудники хорошо понимали, какая судьба уготована провинциальной прессе того времени: “Мы живем почти на другом краю мира, вдали от цивилизаций и всех удовольствий, и потому должны искать разрешения всех вопросов в себе, и заключать жизнь в рамку, поставленную ей природой, климатом, потребностями и местным интересом. Если наши интересы мелки и нам не суждено разрешать мировых вопросов, то виноваты не мы, нам только выпало на долю довольствоваться ими, но тем не менее, для всякого дорого то, что свое” [3, 1865, 3]. Несмотря на обреченность интонации, позицию свою издание декларировало весьма внятно, что их задача разъяснить разносторонние интересы сословий, разумеется, высказывать мысли скромно и ясно, не разжижая ничтожные факты в многословие для литературного изящества и красоты слога, которые часто затемняют мысль... живые мысли не останутся бесплодными” [3, 1865, 25].

Но “Восточное поморье” имело возможность извлекать уроки исчезнувших изданий... Благо такой опыт в Сибири за десять лет после начала губернских ведомостей уже был...

Пообещав читателю, что на страницах издания будет присутствовать гласность, М. В. Загоскин не прислушался к коллегам из “Енисейских губернских ведомостей”. Вместо бичевания зла он в газетных публикациях начал касаться дел отдельных личностей. Пусть даже и без указания фамилий. Уже к середине 1860 г. как редактор он был нейтрализован¹⁹. Но вначале владелец “денежного мешка” показал, кто в доме хозяин.

Д. Завалишин, находившийся в это время в ссылке в Чите, опубликовал статью в “Морском сборнике” [1858, № 11], в которой подверг критике генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, известного как Муравьев-Амурский, а также дела в Забайкальской области и на Амуре. Вряд ли нашелся бы хозяин, который, издавая газету на частные деньги, поместил бы в одном номере [1, 1860, 24] на 34 страницах ответ петербургскому журналу: «По поводу статей Завалишина в “Морском сборнике”». Автор публикации, житель Кяхты В. Карпов, резко высказался в адрес публикации декабриста, поставив под сомнение каждое его слово.

¹⁹ “После этого иркутская газета (хотя и просуществовала еще до конца 1862 года, и временами даже позволяла себе критические выступления по отдельным вопросам) стала заметно терять свой авторитет, который приобрела в первые полгода”. См. подробнее: Буланцев Х. С. Пионеры провинциальной печати / Х. С. Буланцев. — Л., 1981. — С. 15 и др.

Оставшись в газете практически один из прежнего состава редакции, М. В. Загоскин пытается понять, “отчего мало помещают статей в провинциальных изданиях?”. Под таким заглавием и была опубликована заметка на излете 1861 г., второго года существования “Амура”, в которой уже номинальный редактор признается, что “установление платы мало помогает делу”. Русскому человеку, а сибирскому в особенности, всегда удерживающемуся “от помещения статей в местных изданиях, вошло в привычку часто совершенно неуместно задавать себе боязливый вопрос: а что скажет начальство?” [1, 1861, 33, 263]. Что оно могло сказать, да и сделать с написавшим, М. В. Загоскин почувствовал на судьбе газеты.

Попытка частного издания “Амур” воспользоваться правом на гласность, предоставленным ему правительством России, завершилась плачевно. В конце третьего года первая частная сибирская газета прекратила свое существование, не успев даже проститься с читателем. Хотя бы так, как это сделало, например, “Восточное Поморье”: “...прекращаемое нами, конечно, на время, “В. П.” вновь возродится при более благоприятных данных, не зависящих от случайностей, выпавших на долю нашего издания” [3, 1866, 24].

“Кяхтинскому листку”, появившемуся на свет в мае 1862 г., жизнь отмерила вообще 18 номеров. Публикация М. А. Бестужева в форме письма к сестре Елене [11, 1862, 6, 4–6] вызвала гнев администрации края и не позволила дальше обществу финансировать проект.

Подводя итоги, можно сказать, что первые сибирские издания прошли тот же путь, что и российские провинциальные, может, только с опозданием на 20–30 лет: от рукописных временных изданий, через неофициальную часть губернских ведомостей, этакую школу первых сибирских журналистов, и наконец к частным изданиям.

Несмотря на радикальные реформы, проводимые Александром II в отношениях между властью и прессой, местная печать (во всяком случае до середины 80-х годов XIX в.) долго не могла найти свою нишу в обществе, в котором был низкий уровень образования и обилие ссыльных, а позже — переселенцев. Отсутствие читателя, а значит, и местного писателя, не способствовало возникновению в обществе потребности в прессе. Только благодаря усилиям власти, заинтересованной в грамотном рабочем классе, возникли первые периодические издания в Сибири. Однако губернские власти недостаточно помогали проведению реформ на местах. В начале 1865 г., когда начал раздаваться в местной прессе силь-

ный голос представителей сибирского областничества, частная пресса еще не успела стать на ноги.

Апрель стал месяцем перемен и дополнений действующих цензурных постановлений, а 1 сентября вступили в силу Временные правила о цензуре и печати, которые приостановили развитие сибирской печати до 1881 г. Именно с появлением «Сибирской газеты» в Томске начинается новый этап в становлении газетно-журнальной периодики на территории русской «колонии» (по Н. М. Ядринцеву).

ЛИТЕРАТУРА

1. Амур. 1860–1862.
2. *Анучин Е. Н.* Материалы для уголовной статистики России: Исследование о проценте ссылаемых в Сибирь / Е. Н. Анучин. – Тобольск, 1856. – 234 с.
3. Восточное поморье. 1865–1866.
4. *Головачев П. М.* Прошлое и настоящее сибирской печати / П. М. Головачев // Восточное обозрение. – 1903. – № 2, 3, 17, 21, 27, 41, 49.
5. *Голодников К. М.* Город Тобольск и его окрестности / К. М. Голодников. – Тобольск, 1887. – 140 с.
6. *Громова Л.* У истоков российской журналистики (из опыта изучения “Ведомостей”) / Л. Громова // Невский наблюдатель. – 2002. – № 1. – С. 90–94.
7. Енисейские губернские ведомости. 1857–1917.
8. *Есин Б. И.* История русской журналистики XIX века / Б. И. Есин. – М., 2003.
9. *Ефремов В. С.* Из истории сибирской печати / В. С. Ефремов // Восточное обозрение. – 1903. – № 66.
10. *Кройчик Л. Е.* Провинциальная частная газета: Формирование концепции / Л. Е. Кройчик // Российская провинциальная частная газета / Сост. Л. Е. Кройчик. – Тюмень, 2004. – С. 3–20.
11. Кяхтинский листок. 1862.
12. Иркутские губернские ведомости. 1857–1917.
13. *Макушин Л. М.* Динамика системы печати в эпоху “великих реформ” второй половины XIX века / Л. М. Макушин // Акценты: Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 1999. – Вып. 5–6. – С. 33–41.
14. *Мандрика Ю. Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания (на материале “Тобольских губернских ведомостей”): Автореф. дис. канд. филол. наук / Мандрика Юрий Лукич. – Воронеж, 2004. – 27 с.
15. *Мандрика Ю. Л.* Она начиналась с рецепта чернил: К 150-летию первой сибирской газеты / Ю. Л. Мандрика. // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX–начала XX вв. – Тюмень, 2004. С. 4–18
16. Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. – Красноярск, 1918. – С. 219–228.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Т. XIV. – № 10305.
18. *Потанин Г. Н.* Воспоминания / Г. Н. Потанин // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск, 1983. – Т. 6.
19. Прозаические сочинения учеников иркутской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Поликсеньева. – СПб., 1836. – 312 с.
20. *Серебренников В.* Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 года / В. Серебренников // Сибирские вопросы. – 1907. – № 17. – С. 15–22.
21. *Соловский В. В.* Памятная книжка неофициального отдела “Тамбовских губернских ведомостей” по поводу их пятидесятилетия: 1838–1888 гг. / В. В. Соловский. – Тамбов, 1888. – Предисловие.
22. Тобольские губернские ведомости. 1857–1917.